

«ЦИВИЛИЗАЦИЯ МОДЕРНА» ПРОТИВ ЦИВИЛИЗАЦИЙ С. ХАНТИНГТОНА

Sinicization and the Rise of China. Civilizational Processes Between East and West. Ed. by P. Katzenstein. Routledge, 2012. 296 p.

Civilizations in World Politics. Plural and Pluralist Perspectives. Routledge, 2010. 236 p.

Anglo-America and its Discontents. Civilizational Identities Between East and West. Routledge, 2012. 299 p.

Китаизация и возвышение Китая. Цивилизационные процессы между Востоком и Западом / Под ред. П. Катценштайна. Лондон, Нью-Йорк: Рутледж, 2012. 296 с.

Цивилизации в мировой политике. Множественность и плюрализм путей возможного развития / Под ред. П. Катценштайна. Лондон, Нью-Йорк: Рутледж, 2012. 236 с.

Англо-Америка и ее противоречия. Цивилизационная идентичность между Востоком и Западом. Лондон, Нью-Йорк: Рутледж, 2012. 299 с.

«Ну, что вы за страна такая: национальную трагедию сумели превратить в праздник!» Эти слова, сказанные кем-то из иностранцев во время тожеств в Москве по случаю спасения «челюскинцев», показательны. Они характеризуют особенность нашего с вами менталитета, который не раз уже на протяжении XX века «перелицовывал» следовавшие одну за другой национальные трагедии в «пиршество победителей»...

С тем же остервенением, с каким из драмы делаем фарс, из любого праздника жизни мы ухитряемся сотворить ситуацию подчас вселенского трагизма. Вспоминается прекрасная комедия «Кавказская пленница» и ее несурзная концовка. «Комсомолка, спортсменка и просто кра-

савица» Наташа Варлей – кумир старшеклассников конца 60-х, освободившись из пут, села в «Мечту» (название микроавтобуса предельно символично!) и укатила куда-то вдаль. А бедный Шурик с понурым осликом типа Иа побрел дальше по каменистым тропам, сожалея об утерянном и мучаясь самоанализом. И вот я спрашиваю себя: не эта ли «безнадега», так контрастировавшая с веселым задором фильма, окончательно уничтожила в нас, юных комсомольцах, надежду на то, что в конце концов все будет не так уж плохо?

А «Белое солнце пустыни»? Не многовато ли там «знаковых» смертей (Гольчатая, Петруха и Верещагин) для жизнеутверждающего советского «истерна»? Нет, фильмы, конечно, отличные. Но только очень

уж «русские»... Вот и Голливуд, при всех его претензиях на универсализм, это, конечно же, только Америка, где традиционный «хэппи энд» в каждом фильме — неотъемлемая часть культуры.

Цивилизационный метод совсем не случайно получил «зеленый свет» сначала в американской, а потом и в мировой политической науке в самом начале 1990-х годов. До С. Хантингтона, понятно, были А. Тойнби, К. Ясперс, Ф. Бродель. Но в тот момент дух «конфликта цивилизаций» обрел новую актуальность, поскольку помогал Соединенным Штатам переадресоваться на нового врага — исламский мир, после довольно неожиданного ухода со сцены врага старого. Когда же стало понятно, что до «конца истории» еще очень далеко (С. Хантингтон и Ф. Фукуяма должны рассматриваться в тандеме, иначе теряется смысл дискуссии), то обнажившиеся «шевроховатости» подхода начали потихоньку отламывать кусок за куском от самого «святого»: принципов западной политкорректности. Уход самого Хантингтона в 2005 г. предоставил полный простор его «ниспровергателям», коих стало обнаруживаться все больше. «Мертвого льва может пнуть каждый»...

Попыткой вернуться к «до-Хантингтону» может считаться серия из трех объединенных общей «цивилизационной» тематикой книг, которые вышли «в унисон» в США, Великобритании и Канаде в период с 2010 по 2012 годы под общей редакцией профессора Питера Катценштайна (США). Посвящая этот капитальный триптих памяти С. Айзенштадта и С. Хантингтона, его авторы «грозились» пойти дальше в углублении цивилизационной методы, в том числе путем «преодоления западного либерального интернационализма и евроцентричной модели мира». На наш же взгляд, просматривается замысел произвести на свет некую новую, подверстанную под «печальную» реальность несбывшегося «конца истории», слегка модернизированную версию той же самой модели.

«Либералам, — констатировал П. Катценштайн, — стало непросто признавать, что

либерального интернационализма уже не хватает для адекватного объяснения возникающего ныне мирового порядка»¹. При этом догматика западной (по преимуществу либеральной) политической философии не подвергается авторами сомнению: «Специфика контекста (то есть реальности во всем ее многообразии. — *Б.М.*), скорее, дополняет, чем заменяет собой политическую теорию». «*Fiat justitia, pereat mundis*» («Да здравствует справедливость, да погибнет мир») — не к этому ли сводится «богатство» либерального (и марксистского) политического дискурса? Невольно вспоминаешь из Ленина: «Если факты противоречат теории — тем хуже для фактов!».

Центральный тезис П. Катценштайна, который не совпадает с «политико-реалистическим», по его мнению, подходом С. Хантингтона, заключается в том, что цивилизации сами по себе **внутренне** «плюралистичны», а мир «плюралистических цивилизаций» встроен в более широкий контекст «цивилизации нашего времени» или «цивилизации модерна» (*civilization of modernity*), утверждающей «индивидуализм, плюрализм, экуменизм и более свободное ощущение неких общих моральных устоев»².

Как ни старался, я так и не смог найти в этой фразе чего-то такого, что в корне противоречило бы от «морально-этическим устоям» цивилизации Запада. Делая акцент на культурно-исторических и бытовых «тонкостях» и нюансах внутри основных цивилизаций на микроуровне (например, между США, Канадой, Великобританией — этому посвящена практически вся вторая часть «триптиха», озаглавленная «Англо-Америка и ее противоречия»), они уводят разговор в мелкотемье и пускают его по замкнутому кругу, стараясь «не замечать» межцивилизационные различия на макроуровне. И не случайно ими буквально «на ура» воспринимается мысль о том, что все конфликты начала нового столетия имели место якобы не между, а внутри цивилизаций.

Вероятно, если читать С. Хантингтона поверхностно (и столь же поверхностно

сводить культуру к географии), то эта странная идея может показаться плодотворной. Однако что такое современные межнациональные конфликты в Западной Европе, если не конфликты, в основе которых лежат разные системы религиозных, культурных, морально-этических, бытовых, в конечном счете, цивилизационных ценностей, между «старыми» и «новыми» европейцами, помещенных внутрь государств и внутрь цивилизаций, понимаемых очень буквально географически? Что такое так называемая «арабская весна», если не часть общего процесса цивилизационного самоутверждения, осуществляемого арабскими странами на основе ценностей ислама (в том числе и в их наиболее радикальной форме, реализуемой, например, салафитами)? Наконец, в каком свете следует рассматривать «цветные» революции на постсоветском пространстве и тут же – российско-грузинский конфликт 2008 года – как не попытку одной цивилизации, западной либеральной, окончательно расшатать цивилизационные скрепы другой, православной российской, чтобы добиться для себя на этом пространстве еще большей свободы действия?

Авторы, последовательно рассматривая основные, по их мнению, мировые цивилизации (Англо-Америка, Европа, китайская, японская, индийская и афро-евразийская цивилизации) оставляют без внимания впервые выделенную С. Хантингтоном и оставленную им особняком латиноамериканскую цивилизацию. О Латинской Америке в трилогии вообще говорится крайне мало и мимоходом. И это далеко не случайно.

Метод «тонкой нюансировки», примененный для сокрытия крупных межцивилизационных разломов, был применен профессорами Б. Боу и А. Санта-Крусом в отношении Мексики – партнера США и Канады по НАФТА и, в соответствии с авторской логикой, полноправного члена «плюралистической» западной цивилизации (Multiple West). Однако по сравнению с отношениями с той же Канадой (что констатируют сами авторы) в американо-мек-

сиканских отношениях «отсутствуют понимание и доверие, что делает проблематичным их двустороннее сотрудничество». По мнению авторов, эти отношения в гораздо более значительной степени характеризуются «взаимными историческими упреками и подозрительностью» в контексте «на порядок более тонкого», по сравнению с той же Канадой, пласта взаимопонимания, поскольку они основаны «на разных представлениях о национальной идентичности»³.

Блажен, кто верует. Но призывы к США и Мексике, направленные на то, чтобы они предали забвению свои «старые нарративы» по примеру того, как это сделали в свое время в Европе Германия и Франция, и начали думать о себе как о «североамериканцах», представляются наивными. Этот посыл отражает довольно распространенный факт игнорирования западной, прежде всего американской, политической мыслью истории международных отношений в угоду политкорректности. Думается все же, что вряд ли французы и немцы когда-нибудь ощутили бы себя «просто европейцами» без дальнейшего уточнения национальной принадлежности «в отсутствие угрозы с Востока» и стремления США обеспечить единство Запада в условиях «холодной войны» (нынешнее состояние ЕС – это еще и следствие конца эпохи биполярности). Поэтому почти нет оснований надеяться, что в отсутствие у США и Мексики более серьезных резонансов для забвения старых обид и дезактивации взаимных комплексов «великая американская дихотомия», о которой пишут Б. Боу и А. Санта-Крус, станет достоянием истории. Тем большее недоумение вызывает надежда авторов на «конструктивную переработку» в XXI веке «основных составляющих» идеи панамериканизма (Western Hemisphere Idea), корни которой уходят вглубь XIX века.

Д. Мак-Дональд и Б. О'Коннор в главе «Австралия и Новая Зеландия в англо-американском мире» справедливо замечают, что отношения между США и их тихоокеанскими партнерами перестали быть «исключительно функциональными», поскольку «со временем в них появились

эмоциональные обертоны⁴. Тем не менее, хотя наличие «обертонов» и свидетельствует о наличии цивилизационной общности, никакие географические, экономические и военно-стратегические «императивы», упования на «общность интересов стран Западного полушария» и совместные институты Америк (например, ОАГ или Межамериканский совет обороны) не смогли за 150 лет и, вероятнее всего, уже не смогут наполнить практическим содержанием идею панамериканизма. В условиях становления латиноамериканского цивилизационного полюса представление о Латинской Америке как о сфере влияния США все больше уходит в прошлое, а междивизиционный разлом между двумя Америками становится все шире.

Латиноамериканская цивилизация, не «слившаяся» с Западом, несмотря на долгие годы многовекторного взаимодействия с ним, оказывается слишком самобытной и самостоятельной, чтобы вписаться в концепцию авторов исследования, стремившихся показать, что конечной точкой процесса цивилизационного развития будет объединение цивилизаций в рамках одной цивилизации. Само собой напрашивается сравнение со сценарием голливудского фильма. Однако насколько он соответствует реальности?

Общая тональность всех трех книг наверняка вызовет у читателя сомнение в том, что важная новация в цивилизационном дискурсе, которую представляет из себя выведение англо-американского мира за рамки «единого Запада» и рассмотрение США как «цивилизационного лидера» отдельно от Европы (чего еще нет у С. Хантингтона) основано на объективных фактах, а не продиктовано стремлением незаметно вычеркнуть из списка лидеров ослабевающие державы.

Скрупулезно прослеживая становление цивилизации Запада от античности через Средние века, Реформацию и Просвещение, профессор Дж. Курт (США) приходит к выводу об угасании движущего ее европейского начала к началу XX века. Своим «возрождением и обновлением» Запад

«обязан исключительно Соединенным Штатам». При этом англо-американская (протестантская) традиция обеспечивает, по мнению автора, гегемонию США в мировой политике и служит в качестве «прекрасной основы для американского проекта глобализации в конце XX столетия»⁵.

«Тем не менее, — затем пишет Дж. Курт, — западная цивилизация вскоре вновь дает «слабину», ознаменовавшуюся отрицающими саму концепцию «Запада» студенческими демонстрациями 1960-х годов, а также окончанием “холодной войны”». Частично, считает автор, это произошло еще и потому, что американская по своему рождению концепция больше не обеспечивала Соединенным Штатам «особой легитимности (исчезновение общего врага? — Б.М.) в глазах европейцев». Потеряла она популярность и в самой Америке, в связи с чем «сегодня не осталось почти никого, в том числе, и в академическом мире, кто защищал бы этот <...> идеологический конструкт»⁶.

Вслед за тем Дж. Курт приходит к неожиданным выводам. Концепция «единого Запада» заменяется им на американскую политику «прав человека», которая, по его мнению, «способна находить отклик в самых разных странах и культурах», поскольку «она шире по своему географическому и культурному охвату, чем концепция, сводящаяся исключительно к культуре белого человека». Дж. Курт прямолинейно пишет о том, что основой политики прав человека являются потребительский инстинкт и индивидуальные права, но ни в коем случае не обязанности. По его мнению, идеология абсолютного индивидуализма способна «проникать во все поры общества и взламывать любые, в том числе и цивилизационно-культурные барьеры. <...> Преследуя немедленные, сугубо материальные цели, она отсылает нас прямоком в «до-осевое» время с его поклонением материальному и плотскому и представляет из себя нечто сродни язычеству. <...> К 90-м годам XX столетия США стали государством-цивилизацией, центральным звеном «цивилизации модерна». Они работали особый свод правил, которые

были возведены в ранг светской религии. Ее нельзя назвать христианством, скорее, она является неким аналогом Просвещения, индивидуалистической и антихристианской религией»⁷. Нынешний исторический момент характеризуется американским профессором как эпоха сопротивления стран осевого времени глобальной цивилизации модерна в лице США, при том что эти страны (упоминаются Китай, Индия и Иран) будут использовать любые средства в войне против того государства, которое представляется им «языческим и антицивилизационным монстром». «Но Америка — наше государство и наш дом», — говорит в заключение Дж. Курт, готовый дать отпор противникам⁸.

Дж. Курт развил идеи Хантингтона и пошел дальше него в предвидении новых глобальных катаклизмов и в оправдании внешнеполитических авантюр США под флагом абсолютного (тоталитарного?) индивидуализма и ценностей нового Просвещения. «Самоуверенность, граничащая с безрассудством отчаяния» — так можно было бы охарактеризовать его взгляды, отдавая при этом дань довольно редкой для приверженца американской гегемонии прямолинейности. Его «цивилизация модерна» отличается от «цивилизации белого человека» лишь цветом кожи ее лучших представителей при сохранении в своей основе того же кредо.

Э. Адлер (Канада) рассматривает Европу как «цивилизационное сообщество действия», учитывая, вероятно, все более зримые различия между частями некогда единого целого, полагая, что цивилизации не статичны, но, напротив, находятся в постоянном движении, являясь своего рода «культурой в движении». В борьбе за победу во «второй фазе» своего «цивилизационного движения» (первая окончилась с двумя мировыми войнами и крушением колониальной системы) Европе как «нормативному сообществу», предпочитающему действовать в рамках «мягкой силы», приходится сталкиваться с «анархичным миром». В этот мир Э. Адлер включает Китай, Индию, Россию, исламские страны

и даже США. В отличие от «пацифисткой» Европы (непонятно, как можно считать ее пацифистской, учитывая кампании в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии), этот мир все еще привержен категориям «жесткой силы». Рецепт, предлагаемый им, в том числе и ради пресловутой интеграции исламского населения в мультикультурной Европе, отнюдь не нов, чтобы не сказать тривиален: толерантность, самоограничение и воспитание в духе мира.

Трактуя отношения ЕС с США, Э. Адлер предлагает европейцам снова включить Америку в число своих привилегированных партнеров: «Чем больше Соединенные Штаты и ЕС будут опираться на нормативные практики и отстаивать примат права в политике, принципы демократического управления и многосторонние подходы в дипломатии, тем достойнее американская и европейская цивилизации смогут противостоять анархии и угрозе войны»⁹. Среди обилия трюизмов и утопических надежд (Вашингтон как «гарант международного права» и «приверженец многосторонней дипломатии» вызывает ассоциацию с многократным нарушителем ПДД, активно поддерживающим новые ограничения скорости) легко обнаружить констатацию интересного факта. Оказывается, что не только США уже не очень-то склонны рассматривать Европу как часть «единого Запада» по Хантингтону (наследие бушевской «Старой Европы»? следствие кризиса ЕС?). Озабоченная своими проблемами Европа также, похоже, начинает задумываться, действительно ли проживание в одной «цивилизационной квартире» с Соединенными Штатами приносит ей пользу. Последствия этого пока не очень ясны. Но если все обстоит именно так, то мы присутствуем при начале своего рода революции в цивилизационном дискурсе.

Китаю посвящена глава в первом томе и третий том целиком, озаглавленный «Синизация и подъем Китая». Глава Д. Канга, профессора университета Южной Каролины, «Цивилизация и государствообразование в “тени” Китая» в основном содержит смесь знакомых эмоций: удивления,

восхищения, непонимания и опасения — характерную для большинства западных авторов, которые сегодня пишут об этой стране. Интерес, на наш взгляд, представляет следующий пассаж: «В отличие от Европы, где государства развивались в условиях постоянной угрозы своему существованию, страны Восточной Азии развивались с расчетом на сотрудничество с Китаем. <...> Если в Европе чем сильнее становилось государство, тем более оно было предрасположено к войнам, то в Азии сильное государство являлось гарантом стабильности. При этом страны Восточной Азии зародились гораздо раньше многих европейских и существуют уже гораздо дольше них». Д. Канг считает, что изучение этой и других особенностей Китая и его ближайших соседей («синизированных» государств: Кореи, Японии, Вьетнама), связанных, по мнению исследователя, с конфуцианской этикой, способно «существенно продвинуть по многим направлениям теорию международных отношений как науку»¹⁰.

С тем, что «китаецентричный мир» оставался «на удивление мирным в течение длительного времени», согласен и П. Каценштайн, хотя он предостерегает, что Китай «может добиваться создания мирового порядка, весьма отличного от того, каким представляют его себе либералы на Западе»¹¹. При этом он не объясняет, чем же в таком случае может быть плох этот порядок.

Сю Цзин (США) говорит о присущем китайцам «чувстве суверенитета и территориальной целостности», воспитанном в них десятилетиями вмешательства Запада в их внутренние дела, об их историческом нежелании действовать подобными же методами («панча шила» — пять принципов мирного сосуществования), об особом конфуцианском видении мира (единство, иерархичность). Однако практически не предполагающий других вариантов развития событий прогноз о возможности интеграции этой страны в структуры будущего миропорядка, который был дан П. Каценштайном и Тяньбао Цзы (КНР), выглядит не очень убедительно. Ученые заявляют, что будущее Китая будет выглядеть следу-

ющим образом: «Подъем Китая не будет ни разрывом с прошлым, ни возвращением к нему, скорее — комбинацией прошлого и будущего» (Тяньбао Цзы)¹²; «Китайский культурный, экономический и военный подъем лучше всего отождествляется с понятием “комбинация”, чем с понятием “разрыв” или “возврат”» (П. Каценштайн)¹³. Представляется, что с учетом исторических аналогий оба автора видят эту комбинацию по-разному.

В главе с характерным названием «Самураи спешат на помощь Хантингтону», Д. Лехени (США), рассуждая о японской цивилизации, противопоставляет такие, казалось бы, близкие понятия, как «бунмэй» (цивилизация) и «бунка» (культура). Американизация Японии, которая началась после Второй мировой войны (по нашему мнению, отделение культуры от цивилизации в Японии началось, все же, несколько раньше, в эпоху Мейдзи) привела к тому, считает автор, что «бунка» (американизированная культура) возоблдала над «бунмэй», и в жертву экономическому процветанию была принесена «национальная идентичность» — основа всякой цивилизации¹⁴. Представляется, что в качестве другого примера здесь можно привести Турцию, страну-цивилизацию, которая в результате войны вынуждена была играть по правилам победителей и по согласованию с Западом сохранить свою религию, быт, привычки обывателей, национальную кухню, традиции, фактически отдав ему на откуп внешнюю политику и политику безопасности.

Вопрос, таким образом, заключается в том, каким образом хотят добиться подобного взаимодействия с Китаем (Индией, Россией, Бразилией, Ираном) идеологи «цивилизации модерна», когда закладывают в ее основу супер-индивидуалистические ценности Запада, а главное, какими методами они хотят добиваться встраивания оригинальных цивилизаций и культур в этот пресловутый «общеглобальный контекст»¹⁵?

Так, интеграция России, по мнению П. Каценштайна, будет детерминироваться трудностями в связи с ее «традиционной

раздвоенностью» между Западом и Востоком, либерализмом и консерватизмом, диктатурой и демократией. Однако он не скрывает, на чьей стороне его симпатии: «Новый русский консерватизм пропагандирует традиционные ценности, но укрепление триединого начала из православия, автократии и национализма возвращает Россию ко временам царизма и наносит удар по либеральным и социал-демократическим течениям»¹⁶.

Однако не только России, но и всему исламскому миру в трилогии отведено чрезвычайно мало места, что, впрочем, не удивительно. В главе Б. Лоренса (США) «Ислам в Афро-Евразии» гораздо больше места уделяется взглядам средневекового арабского историка и юриста Ибн-Хальдуна (1400 годы), чем проблемам современности. Главный вывод автора, пытающегося в его учении всячески сгладить противоречия между цивилизацией ислама и Западом, состоит в следующем: «Ислам в цивилизационном дискурсе должен рассматриваться как определенная культура, связанная с религией, но ей не ограничивающаяся»¹⁷. Этот вывод кажется оторванным от реальности, попытка же автора установить параллель между средневековой исламской Европой и сегодняшним днем представляется не более чем стремлением выдать желаемое за действительное.

Подчеркнем главное: сверхзадача почти всех без исключения авторов рецензируемого труда состояла в стремлении преодолеть наследие С. Хантингтона сообразно новому уровню западной политкорректности, чтобы, формально признав равенство всех цивилизаций и культур, на деле сохранить лидирующую роль за западной (точнее, протестантской, англосаксонской) в качестве некой надстроечной и вневременной «цивилизации модерна». Для этого был применен ряд приемов. *Во-первых*, как уже отмечалось, акцентирование всевозможных противоречий на микро-уровне внутри «плюралистических» цивилизаций (не будем забывать, что англо-американским, американско-канадским отношениям и отношениям Америки с другими страна-

ми посвящен целый том) при весьма поверхностном освещении межцивилизационных различий на макро-уровне (отсутствии описания латиноамериканской цивилизации и игнорирование множества существенных реалий исламской и православной культур). *Во-вторых*, авторы подчас прибегали к искажению идей Хантингтона, абсолютизируя конфликтность его теории и утверждая, что он делал чуть ли не автоматическую привязку культур и цивилизаций к географическим единицам. Фактор религии – этот главный, по мнению С. Хантингтона, системообразующий элемент всякой мировой цивилизации – ими частично либо полностью исключался из анализа.

Свой капитальный труд С. Хантингтон завершил следующими словами. «В Москве, Рио-де-Жанейро, Бангкоке, Шанхае, Лондоне, Риме, Варшаве, Токио, Йоханнесбурге, Дели, Карачи, Каире, Боготе, Вашингтоне – везде растет преступность, везде отмирают базисные элементы Цивилизации. Ученое сообщество заявляет о всемирном кризисе управляемости. Подъем транснациональных корпораций сопровождается расцветом криминально-мафиозных групп, наркокартелей и террористических банд, подрывающих основы Цивилизации. Ее главные опоры, закон и порядок, сдают свои позиции на большей части нашей планеты: в Африке, Латинской Америке, на постсоветском пространстве, в странах Южной Азии и на Ближнем Востоке, они подвергаются серьезной атаке в Китае, Японии и на Западе. В масштабе планеты Цивилизация, похоже, уступает варварству, повсеместно создается впечатление вновь опускающегося на человечество мрачного Средневековья»¹⁸.

Понятно, насколько сильно расходуется такой вывод с голливудским сценарием конечного торжества «универсальной свободы-демократии». Ученое сообщество предпочло остановить разработку начатой С. Хантингтоном проблематики во избежание вполне понятных вопросов: каким образом сложилась подобная ситуация? Кто привел нас к этому? Что можно сделать?

С. Хантингтона при всем желании нельзя отнести к антизападникам. Наоборот, все его труды проникнуты беспокоейством относительно способности Запада и США, его бесспорного лидера, продолжать руководство миром в условиях укрепления национальной идентичности других государств, при том что их собственная находится в настоящее время на нисходящей¹⁹. Будучи честным ученым, он был не склонен затушевывать противоречия собственной цивилизации, порой сгущал краски, но не поддавался искушению политкорректности, понимая, что она может принести лишь вред. Чего только стоит констатация им исторически и культурно обусловленной необходимости для США иметь врага, чтобы не нарушались законы «голливудского» жанра. «Если внешняя угроза будет незначительной, периодической, неопределенной, то американцы, вполне возможно, не найдут в своем обществе согласия относительно роли американской веры, английского языка и стержневой культуры в формировании национальной идентичности»²⁰. Не здесь ли следует искать источник наших постоянных неурядиц в отношениях с англосаксами?

Достоинство рецензируемого труда, как это часто бывает, является продолжением его недостатков. *Во-первых*, авторы, не заявляя об этом прямо, несомненно, присоединяются к голосам тех, кто, будучи обеспокоен цивилизационным подъемом «глобального Юга» и наметившейся утратой Западом глобальных лидерских позиций, выступают за сохранение за ним (вернее, за его авангардом — англосаксонской протестантской цивилизацией) хотя бы основных рычагов управления миром. Это мнение распространено сегодня достаточно широко²¹, что лишний раз свидетельствует о серьезности и поистине глобальном характере перемен, которые намечаются в мире.

Во-вторых, даже основные составляющие того, что получило название «цивилизации модерна» (индивидуализм, материализм, потребительство, отсутствие четких моральных ориентиров, реализация прав в

отрыве от обязанностей) у непредвзятого читателя создают предчувствие наступления отнюдь не «золотого века» и не «нового Просвещения», но, скорее, нового Средневековья. Последнее дополнительно подтверждает слова С. Хантингтона и правоту его теории, показывая, насколько господствующая цивилизация пока еще не готова прислушаться ко все громче раздающимся голосам других цивилизаций.

Наконец, *в-третьих*, все три книги заставляют задуматься о будущем мировой цивилизации, углубляющиеся и множащиеся проблемы которой сегодня проговариваются политкорректным языком, но отнюдь не решаются. Их решение представляется едва ли возможным, пока к этому процессу на абсолютно равной основе не будут привлечены силы и возможности других цивилизаций и культур.

* * *

«Критиковать легко», — скажет читатель, и будет абсолютно прав. Что же можно предложить взамен «конфликта цивилизаций»? Будет ли достигнут компромисс между ныне власть предержащими и теми, кто уже готов оспаривать их власть? Ведь от этого, без какого-либо преувеличения, зависят судьбы всей нашей планеты. Компромисс, предлагаемый пост-хантингтонианцами, плох, поскольку он по-прежнему односторонен.

*Борис Мартынов,
доктор политических наук*

Примечания

¹ Sinicization and the Rise of China. Civilizational Processes Between East and West. Ed. by P. Katzenstein. Routledge, 2012. P. XIV.

² Civilizations in World Politics. Plural and Pluralist Perspectives. Routledge, 2010. P. 2.

³ Anglo-America and its Discontents. Civilizational Identities Between East and West. Routledge, 2012. P. 171.

⁴ Ibid. P. 200.

⁵ Civilizations in World Politics. P. 58.

⁶ Ibid. P. 62.

⁷ Ibid. P. 64.

⁸ Ibid. P.66.

⁹ Ibid. P.88.

¹⁰ Ibid. P.113.

¹¹ Sinicisation and the Rise of China. P. 3, 6.

¹² Ibid. P. 71.

¹³ Ibid. P. 31.

¹⁴ Civilization in World Politics. P. 121–123.

¹⁵ Sinicization and the Rise of China. P. 290.

¹⁶ Ibid. P. 214.

¹⁷ Civilizations in World Politics. P. 164–165.

¹⁸ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London, 1997. P. 321.

¹⁹ Huntington S. Who are we. 2004. P. 506.

²⁰ Ibid. P. 44, 47.

²¹ Стоит упомянуть хотя бы недавно вышедшую книгу «мэтра» американской политологии Дж. Ная «Будущее силы», где автор стремится доказать, что США смогут и дальше осуществлять руководство миром, при условии, если будут опираться на так называемую «умную» (smart) силу, которая представляет из себя прагматичное сочетание традиционно «жесткой» и «мягкой» силы (Nye J. "The Future of Power", NY, 2011). Эта теория, думается, не очень сильно контрастирует с парадигмой «цивилизации модерна», предлагающей «разумно» отказаться от части ради сохранения целого.